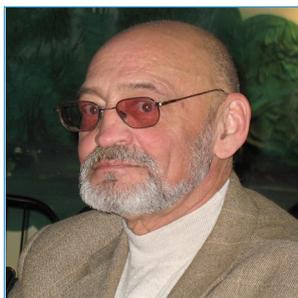

Т е м а н о м е р а : О с н о в а н и я и д е н т и ч н о с т и

Ц е н н о с т н ы е м а р к е р ы к у л ь т у р н о - и с т о р и ч е с к о й и д е н т и ч н о с т и р о с с и я н

Кузнецов Игорь Михайлович –
кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: ingvar31@yandex.ru

Ценностные маркеры культурно-исторической идентичности россиян

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.466

Аннотация. Проблемный контекст статьи¹ состоит в том, чтобы объяснить наблюдаемое в современном российском обществе противоречие между широкой поддержкой россиянами некоторого набора традиционалистских ценностных императивов на самом общем, абстрактном уровне и столь же распространённый отход от этих ценностных предписаний на уровне повседневных практик. Рабочая концепция исследования основывается на том, что *набор ценностей*, их определённая структура в том или ином культурно-историческом сообществе остаётся относительно постоянной в историческом времени, а процесс «ценностного дрейфа» сводится к изменению содержательного наполнения понятий, обозначающих общественные ценности. Эти постепенные изменения содержания той или иной ценности можно расположить между двумя полюсами – традиционалистское истолкование ценности и модернистское (секулярно-рациональное) истолкование. В статье анализируются данные опросов населения, проведённых в шести регионах России по проекту «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии». Для анализа системы ценностей в настоящей работе отобрано 4111 единиц наблюдения, репрезентирующих население каждого региона старше 18 лет и проживших в этом регионе не менее 7 лет. Общий вывод исследования состоит в том, что модернизация интерпретации ценностных принципов на инструментальном уровне приводит к тому, что ценностные императивы обобщённого уровня постепенно перестают выполнять функцию собственно императивов (предписаний к действию) и начинают функционировать в качестве своеобразных маркеров, отграничивающих российское культурно-историческое и даже цивилизационное пространство. Одновременно эти маркеры служат **символами** российской культурно-исторической идентичности. Ориентация на эти символы-ценности обеспечивает тождество осознания себя россиянами в историческом времени. Зафиксированный в исследовании традиционализм в осмыслении маркеров российского культурно-исторического пространства означает ориентацию на поддержание устойчивости и преемственности во времени этого пространства.

Ключевые слова: ценностная система общества, традиционализм, секулярно-рациональные ценности, культурно-историческая идентичность россиян, границы социально-культурного пространства

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 14-18-01963-П «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии»

Гипотеза о функционировании некоторого набора ценностных суждений в качестве маркеров общероссийской культурно-исторической идентичности была сформулирована в ходе исследования особенностей системы ценностей россиян в рамках проекта «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии». В этом исследовании понятие «ценности» используется в проблемном контексте поиска оснований консолидации многонационального российского общества. Одно из таких оснований для любого культурно-исторического сообщества – это сходство восприятия, оценки и соответствующего отношения к текущим событиям и процессам, происходящим как внутри, так и вне России. Такое сходство может базироваться на поддерживаемых большинством членов сообщества суждениях, касающихся наиболее общих представлений о желательных и нежелательных образцах поведения, средствах и целях деятельности, т. е. ценностных суждениях.

Особенности рабочей концепции

В формулировании рабочей концепции исследования ценностей как ресурса межэтнического согласия мы отталкивались от принципов изучения ценностных систем современных обществ, реализованных в исследованиях Р. Инглхарта [Инглхарт, Вельцель 2011] и отчасти Г. Хофстеде [Hofstede 2011], но с некоторыми изменениями и дополнениями. Так, в концепции Р. Инглхарта типологизация ценностных систем осуществляется в пространстве, ограниченном двумя осями измерений. Первое из этих измерений отражает сравнительные различия в рамках бинарной оппозиции «традиционные ценности – секулярно-рациональные ценности», а второе – в рамках оппозиции «ценности выживания – ценности самовыражения» [Инглхарт, Вельцель 2011: 80]. Переход от «традиционных» к «секулярно-рациональным» ценностям происходит, согласно Инглхарту, в процессе модернизации общества и выражается в отказе от религиозных авторитетов в пользу секулярных. Переход от «ценностей выживания» к «ценностям самовыражения» происходит на более зрелой стадии развития общества, которую обычно называют постмодерном, когда происходит отказ от любых авторитетов и переориентация на ценности личностной автономии. Этот второй переход обычно связывают с ростом общего уровня благосостояния и безопасности.

На наш взгляд, эти два измерения не могут представлять ортогональные оси пространства ценностей уже потому, что вторая из указанных осей актуальна не для всей шкалы «ценности традиционализма – секулярно-рациональные цен-

ности», а является дополнительной характеристикой системы ценностей «секулярно-рационального» полюса этой шкалы. Более того, в отличие от Р. Инглхарта, мы склонны рассматривать оппозицию «выживание – самореализация» не как какие-то особые ценности, а как разные мотивационные векторы любых ценностно ориентированных практик.

Иначе говоря, актуализация какой-либо ценности (например, ценности семьи) в общественной практике может быть мотивирована и/или одобряема как способ «выживания» или как способ «самореализации», что ведёт к соответствующей модификации конкретных практик в рамках семейной жизни. Это касается и распределения семейных ролей, и особенностей семейной иерархии, и контекстов сексуальных отношений между супругами (доминирующий мотив – дети или физическое удовольствие). Отчасти эволюция семейных практик в процессе социально-экономического развития общества показана в работе Ф. Энгельса [Энгельс 1961].

При этом сами понятия «выживание» и «самореализация» имеют разное содержательное наполнение в зависимости от системного контекста использования этих понятий. Так, в традиционалистской системе ценностей под «выживанием» может пониматься прежде всего поддержание стабильности и предсказуемой эволюции сообщества, а в секулярно-рациональной системе, где материальное благополучие и безопасность *сообщества* само собой разумеются, под «выживанием» может, скорее, пониматься физическое выживание индивида, что отражается в максиме *самоценности человеческой жизни*, характерной именно для сообществ постмодерна. То же относится и к пониманию «самореализации». В традиционалистской системе ценностей под «самореализацией» может пониматься вклад индивида в поддержание сохранности сообщества в целом и его культурной идентичности, при необходимости даже ценой собственной жизни. А в секулярно-рациональной системе – это, скорее, объективация (в каких-либо артефактах и/или практиках) личностной идентичности («Я-концепции») как самоценности.

По мнению Р. Инглхарта, «поскольку удовлетворение материальных потребностей является необходимой и насущной предпосылкой выживания, нехватка материальных благ придаёт этим потребностям приоритетное значение... И напротив, когда материальные потребности гарантированно удовлетворяются, это начинает восприниматься как должное; приоритетное значение приобретают постматериалистические стремления, в результате чего люди обращают большее внимание на цели, занимающие более высокое место в пирамиде потребностей Маслоу» [Инглхарт, Вельцель 2011: 149]. Фактически это означает, что по достижении обществом достаточно высокого уровня экономического развития люди

Актуализация какой-либо ценности (например, ценности семьи) в общественной практике может быть мотивирована и/или одобряема как способ «выживания» или как способ «самореализации», что ведёт к соответствующей модификации конкретных практик семейной жизни.

В традиционалистской системе ценностей под «самореализацией» может пониматься вклад индивида в поддержание сохранности сообщества в целом и его культурной идентичности, даже ценой собственной жизни. А в секулярно-рациональной системе – это, скорее, объективация личностной идентичности («Я-концепции») как самоценности.

начинают меньше акцентироваться на практиках, удовлетворяющих потребности нижних ступеней пирамиды Маслоу и больше – на практиках, связанных с её верхними ступенями, особенно на пятой («самоактуализация») [Маслоу 2003: 60–68.]. На наш взгляд, по мере гарантированного удовлетворения потребностей первых двух-трёх ступеней пирамиды Маслоу, выведением их за рамки общественного внимания, происходит постепенная переориентация смысла этих практик, как и практик, связанных с верхними ступенями, с контекста выживания на контекст самореализации. Например, удовлетворение физиологических потребностей первой ступени модифицируется в гурманство, т. е. некий акт личностной самореализации. Другой пример – необходимость соответствия половой принадлежности и гендерной идентичности может модифицироваться в свободу гендерной идентификации как средства самореализации (это, впрочем, относится и к смысловому наполнению других видов идентичности как групповой, так и личностной).

В итоге в нашей рабочей концепции нет необходимости выделять две оси измерения ценностей, поскольку ось «ценности выживания – ценности самореализации» по сути является, в нашем понимании, иной интерпретацией оси «традиционные ценности – секулярно-рациональные ценности». *И в этом плане мы можем определить традиционный полюс системы ценностей как сцентрированный на поддержании стабильности и преемственности во времени данного сообщества, а секулярно-рациональный полюс той же системы ценностей как сцентрированный на поддержании определённости и самодостаточности отдельных индивидов (независимости от сообщества).*

На наш взгляд, для концепции Р. Инглхарта характерно очень ограниченное понимание традиционализма как некоторой архаики практически доиндустриального периода, когда люди были крайне зависимы от природной среды и не обладали достаточными знаниями для автономного существования. Мы склонны придерживаться более широкого понимания традиции как «социального и культурного наследия, передающегося от поколения к поколению и воспроизводящегося в определённых обществах и социальных группах в течение длительного времени» [Традиции и инновации... 2008: 18]. Мы согласны с мнением, что традиционализм нельзя противопоставлять модернизации и «что в современных обществах происходит не детрадиционализация, а *изменение* роли традиций» [Гофман 2010: 241].

В нашем понимании базирование на традиции означает ориентацию на ставшие обычаями общепринятые жизненные цели, а также стратегии достижения целей. Это означает, что любые (даже самые новаторские с точки зрения сегод-

По мере гарантированного удовлетворения потребностей первых двух-трёх ступеней пирамиды Маслоу происходит постепенная переориентация смысла этих практик с контекста выживания на контекст самореализации. Например, удовлетворение физиологических потребностей первой ступени модифицируется в гурманство; необходимость соответствия половой принадлежности и гендерной идентичности может модифицироваться в свободу гендерной идентификации как средства самореализации.

Базирование на традиции означает ориентацию на ставшие обычаями общепринятые жизненные цели, а также стратегии достижения целей. Это означает, что любые поведенческие стратегии и практики превращаются в «традиционные» тогда, когда они становятся доминирующими в обществе.

нышнего дня) поведенческие стратегии и практики превращаются в «традиционные» тогда, когда они становятся общепризнанными и доминирующими в обществе. Иначе говоря, традиционализм в повседневном сознании (а не в политических дискурсах) означает лишь опору на проверенные временем образцы деятельности, независимо от времени появления этих образцов. В рамках ориентации на традицию возможна и приемлемость новых способов деятельности, но не в силу того, что они новые, «прогрессивные», принятые во всём «цивилизованном мире» или обоснованные научными методами, а прежде всего потому, что они прошли длительную обкатку в общественной практике, адаптированы к уже сложившейся системе так, что инновации не оказывают на неё разрушительного воздействия.

Процесс интеграции инноваций в традиционную систему мы можем обозначить как *традиционализацию инноваций*, что обеспечивает *легитимацию* инноваций в традиционном сознании. Особенно отчётливо процесс легитимации инноваций путём включения их в традицию прослеживается при анализе стратегий модернизации в России [Аксенова 2016].

В той же мере отсылка к научной доказанности, т. е. рационализация какой-то деятельности, обеспечивает легитимацию традиций так же, как и инноваций в рамках секулярно-рациональных смыслов ценностной системы. По мере включения инноваций параллельно происходит процесс *модернизации традиций*, что обеспечивает их устойчивость во времени. Так, по мнению Э. Гидденса, одно из направлений модернизации традиции в постмодерном обществе состоит в том, что «традиции сохраняются только в той мере, в какой они оказываются доступны для дискурсивного обоснования и открытого диалога не только с другими традициями, но и с альтернативными способами деятельности» [Giddens 1994: 105], т. е. рационализируются, перепроверяются в рамках научных процедур. В отечественной науке этот процесс детально прослежен на примере конкретных локальных социальных сред [Асимметрия жизни... 2017].

Динамика изменения ценностей («ценностный дрейф») в концепции Р. Инглхарта предполагает замену одного набора ценностей (например, «традиционных») другим (например, «секулярно-рациональными»). Однако сама по себе идея транзита ценностей логически предполагает некоторое состояние перехода от одного полюса к другому, т. е. промежуточную позицию, когда люди частично уже отошли от традиционалистских взглядов на какие-то принципы социального взаимодействия, но пока до конца не приняли модернистскую трактовку этих принципов, т. е. находятся в статусе культурных маргиналов (в трактовке Э. Стоунквиста [Стоунквист 2006]). Причём «ценностный дрейф» может происходить в обоих

Процесс интеграции инноваций в традиционную систему можно обозначить как традиционализацию инноваций, что обеспечивает легитимацию инноваций в традиционном сознании.

По мере включения инноваций параллельно происходит процесс модернизации традиций, что обеспечивает их устойчивость во времени.

направлениях: как от традиционализма к модернизму, так и наоборот при определённых социально-политических условиях [Паин 2011].

На наш взгляд, *набор ценностей*, их определённая структура в том или ином культурно-историческом сообществе остаются относительно постоянными во времени, а процесс «ценностного дрейфа» сводится к изменению содержательного наполнения понятий, обозначающих общественные ценности. Эти постепенные изменения содержания той или иной ценности можно расположить между двумя полюсами – традиционалистское истолкование ценности и модернистское (секулярно-рациональное¹) истолкование. Таким образом, если мы хотим фиксировать промежуточные состояния в динамике ценностных систем, то уместно говорить не об особом традиционном или модернистском наборе ценностей, а о положении данной исторически и культурно определённой системы ценностей на шкале «традиционализм – модернизм».

Такой подход наиболее полно представлен в концепции параметрических измерений культуры Г. Хофстеде. В принципе, основные параметры культуры, сформулированные им и его коллегами можно интерпретировать как ценностные максимы, имеющие традиционный или модернистский смысл (в рамках данной культурно-исторической среды). Так, например, параметр «дистанция власти» [Hofstede 2011: 9] не что иное, по нашему мнению, как интерпретация ценности иерархии в качестве способа организации любого взаимодействия. Иерархии может придаваться высокая ценность, что выражается в безусловном личностном неравенстве разностатусных индивидов («высокая дистанция власти» в терминах Г. Хофстеде). А это и есть традиционалистский (в нашем определении) контекст истолкования иерархии, центрированный на поддержании стабильности и устойчивости сообщества. С другой стороны, иерархия может признаваться как практически полезная для организации взаимодействия, но не создающая личностного неравенства («низкая дистанция власти» у Г. Хофстеде), т. е. иерархия понимается в модернистском (секулярно-рациональном) контексте, центрированном на поддержании личностной автономии. В этом последнем контексте, например, не возникает вопроса о том, человек ли «красит» место, или наоборот, поскольку качество личности уже не связывается со статусом в иерархии. Или иначе – карьера в общественной иерархии любого типа (административной, творче-

¹ На наш взгляд, определение постмодерных ценностей как «секулярно-рациональных» не совсем точно, поскольку и в дискурсах постмодерна присутствуют элементы сакрализации каких-то практик и идеологием так же, как в традиционных дискурсах нередко элементы рационализации тех же практик и идеологием. Поэтому для обозначения этого полюса мы предпочитаем использовать термин «модернистские» ценностные смыслы.

ской, научной и т. п.), в идеале предполагающая деятельность на благо общества, больше не является приоритетным и даже единственным способом самореализации личности.

Более того, если внимательно рассмотреть процедуру измерения ценностей, применённую Р. Инглхартом [Инглхарт, Вельцель 2011: 84], то можно обнаружить, что эта процедура фактически сводится к определению смыслового наполнения содержания тех или иных ценностных категорий в рамках биполярной шкалы (традиционное – секулярно-рациональное истолкование). Так, высокая значимость религии (Бога) в жизни признаётся «традиционной ценностью», а низкая значимость – «секулярно-рациональной ценностью», хотя по сути речь идёт о полярном истолковании *одной и той же ценности* – веры в Бога.

При формулировании гипотез об особенностях содержательного изменения ценностных систем по указанному выше параметру мы исходим из того, что эти системы имеют многоуровневую иерархическую структуру от ценностных императивов абстрактного идеологического уровня (в традиции, идущей от М. Рокича [Rokeach 1973], их можно обозначить как «терминальные ценности») до разветвлённого набора принципов повседневного поведения («инструментальных ценностей», по Рокичу), уже не столь очевидно связанных с соответствующими императивами. На наш взгляд процесс адаптации содержания ценностных систем к новым социально-экономическим реалиям начинается с этого нижнего уровня.

Эмпирическая база и методика исследования

Анализ состояния ценностной системы россиян проводился на базе данных опроса жителей Москвы, Московской, Калининградской, Астраханской областей, Республики Карелия и Ставропольского края. Опрос был проведён в 2014–16 гг. в рамках реализации проекта «Ресурс межэтнического согласия в консолидации российского общества: общее и особенное в региональном разнообразии» (грант РНФ № 14-18-01963, рук. Л. М. Дробижева, 2014–18 гг.). Всего было опрошено 6400 человек, для анализа системы ценностей в настоящей работе отобрано 4111 единиц наблюдения, репрезентирующих население каждого региона старше 18 лет и проживших в этом регионе не менее 7 лет.

Мы предлагали респондентам (в рамках семибалльной шкалы) сделать выбор между двумя парами альтернативных бытовых суждений, отражающих разнополярные интерпретации одной и той же ценности. Эти суждения в дальнейшем мы будем называть *ценностными ориентирами*, чтобы отличить их от собственно ценностей. Отбор ценностных ориентиров был

Высокая значимость религии (Бога) в жизни признаётся «традиционной ценностью», а низкая значимость – «секулярно-рациональной ценностью», хотя по сути речь идёт о полярном истолковании одной и той же ценности – веры в Бога.

осуществлён из совокупности ценностных суждений, уже достаточно апробированных в отечественной социологии [Базовые ценности... 2003; Двадцать лет... 2011; Российское общество... 2015; Российское общество... 2016]. Часть суждений, отражающая некоторые параметры типологии культур Г. Хофстеде, была сконструирована нами по аналогии с суждениями, использованными им для измерения «дистанции власти» и параметра «индивидуализм – коллективизм» [Hofstede 2011: 9–11]. При этом нами были отобраны три пары суждений, отражающих терминальные ценностные ориентиры, и три – инструментальные.

Ниже приведён список пар высказываний, использованных в исследовании (см. таблицу 1).

Таблица 1

Список альтернативных пар ценностных ориентиров

Ориентация на традицию	Ориентация на модернизм
Инструментальные ценностные ориентиры	
1. Лучше работать там, где в первую очередь ценят тёплые человеческие отношения	Лучше работать там, где в первую очередь ценят профессиональные качества сотрудника
2. Начальник всегда должен принимать все решения и отвечать за всё	Тот, кто выполняет задание, должен сам принимать решения и нести за них ответственность
3. В общественных местах надо одеваться и вести себя как все, строго следуя принятым правилам	В общественных местах можно одеваться и вести себя как нравится самому, лишь бы не нарушать закон
Терминальные ценностные ориентиры	
4. Россия – другая страна, ей не нужен западный образ жизни	Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны
5. Лучше добиться меньшего успеха в жизни, но не переступить через моральные нормы и принципы	Чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступить через моральные нормы и принципы
6. Надо всегда уважать традиции, обычаи, следовать привычному, принятому большинством	Надо всегда искать новое в жизни, даже если большинство это не примет, и ты окажешься в меньшинстве

Оценка по каждой паре суждений могла колебаться от 1 до 6 (от 1 – безусловное согласие с суждением традиционалистского полюса до 6 – безусловное согласие с модернистским полюсом). Баллы 1–2 интерпретировались как поддержка традиционного полюса, 5–6 – модернистского полюса, а оценка 3–4 балла свидетельствовала о промежуточной позиции респондента по данному пункту. Более того, чтобы оценить систематичность ориентации респондентов на тот или иной полюс, мы вычисляли средний арифметический балл по всем парам суждений ценностных ориентиров. В результате весь массив ответивших по общим усреднённым оценкам расположился на шкале от 1 до 6 баллов. И далее по положению на этой

шкале можно было разделить всех ответивших на три аналитические группы: (1) *ориентированные на традицию* (средний балл в интервале 1,6–2,5); (2) *занимающие промежуточную позицию* (средний балл в интервале 2,6–3,5) и (3) *ориентированные на модернизм* (средний балл в интервале 3,6–6).

Россияне между традиционализмом и модернизмом

Детальный анализ полученных данных по текущему состоянию ценностной системы россиян изложен в ряде публикаций по проекту [Межнациональное согласие... 2016]. Общий вывод состоит в том, что доминантной является группа, находящаяся в процессе *переосмысления* ряда ценностных ориентиров, а более или менее систематических традиционалистских ориентаций придерживаются менее трети опрошенных. Масштаб распространённости модернистского истолкования ценностей в России пока фиксируется на уровне ниже ошибки выборки (см. таблицу 2).

Таблица 2

Распределение позиций на шкале «традиционализм – модернизм» в ценностной системе россиян

Позиция по шкале «традиционализм – модернизм»	%
Традиционализм	27,1
Промежуточная позиция	71,0
Модернизм	1,9

Процесс переосмысления поведенческих и оценочных стандартов в России характерен для всех групп населения, в том числе и национальных. Причём этот процесс сопровождается определённой неустойчивостью, непредсказуемостью, внутренней противоречивостью социально-политических диспозиций людей, находящихся в процессе ценностного дрейфа [Кузнецов 2017], что собственно и побуждает обозначить группу, находящуюся в состоянии транзита, как маргинальную. Напротив, респонденты, ориентированные на традиционализм, демонстрируют относительную согласованность восприятия и оценок текущей ситуации, даже если в рамках традиции наличествует региональное, социальное, этнокультурное и конфессиональное разнообразие.

Важно отметить, что широко распространённое представление о традиционализме россиян не имеет под собой весомых оснований. Если говорить о позиции России в мире по распространённости традиционализма, используя последние (2010–14 гг.) данные World Values Survey, то можно опреде-

Процесс переосмысления поведенческих и оценочных стандартов в России характерен для всех групп населения, в том числе и национальных.

литель, что нынешняя Россия по измерению «традиционные/секулярно-рациональные ценности» находится примерно в том же кластере, что Венгрия, Люксембург, Швейцария, Исландия, и даже является менее традиционалистской, чем Канада, США и Британия [World Values Survey... 2015].

По измерению «ценности выживания/самореализации» Россия стоит в ряду таких стран, как Ирак, Палестина, Азербайджан [World Values Survey... 2015]. Это, на наш взгляд, означает, что россияне ориентированы на традиционализм только в тех аспектах, в каких эти ценности связаны с базовыми принципами выживания сообщества, т. е. его продолжения в историческом пространстве и времени.

Традиционализм как основа российской культурной идентичности

Анализ данных нашего исследования (раздельно по блокам оценки «инструментальных» и «терминальных» ценностных ориентиров) более точно показывает, в каком сегменте общественного сознания россиян сосредоточен традиционализм, формирующий имидж традиционалистской России, вопреки объективным данным о состоянии ценностной системы в целом.

Уровни поддержки того или иного полюса инструментальных и терминальных ценностных ориентиров у россиян существенно разнятся (см. таблицу 3)

Таблица 3

Распределение позиций на шкале «традиционализм – модернизм» для инструментальных и терминальных ценностей россиян

Позиция по шкале «традиционализм – модернизм»	%
Инструментальные ценностные ориентиры (N=3657)	
Традиционализм	26,3
Промежуточная позиция	56,7
Модернизм	1,7
Терминальные ценностные ориентиры (N=3602)	
Традиционализм	65,7
Промежуточная позиция	32,6
Модернизм	1,7

Процесс модернизации современного российского общественного сознания наиболее отчетливо проявляется в пересмотре или отказе от традиционалистского истолкования инструментальных ценностей. Как уже было показано нами ранее при более детальном анализе [Межнациональное согласие...

Россияне ориентированы на традиционализм только в тех аспектах, в каких эти ценности связаны с базовыми принципами выживания сообщества, т. е. его продолжения в историческом пространстве и времени.

2016: 177], комплекс инструментальных ценностных ориентиров, ставший традиционным за время господства советской распределительной экономической модели и тотальной коллективистской идеологии, активно заменяется инструментальными принципами, более соответствующими условиям деятельности в глобальной рыночной экономике с её ценностями достижительности и индивидуализма.

Традиционализм россиян наиболее рельефно проявляется в их практически массовой поддержке традиционалистского истолкования терминальных ценностей. Однако поддержка традиционализма на уровне абстрактных императивов отнюдь не служит руководством при планировании поведения в повседневности. Это хорошо прослеживается, например, при сопоставлении масштабов поддержки «традиционности» на абстрактном уровне и той же «традиционности» в конкретной ситуации поведения в общественных местах (см. таблицу 4).

Таблица 4

Поддержка одних и тех же ценностных ориентиров на терминальном и инструментальном уровнях, % от ответивших, N=3974

Альтернативы ценностных ориентиров	Позиция на шкале «традиционализм – модернизм»		
	Традиционализм	Промежуточная позиция	Модернизм
Терминальный уровень			
Надо всегда уважать традиции, обычаи, следовать привычному, принятому большинством или Надо всегда искать новое в жизни, даже если большинство это не примет, и ты окажешься в меньшинстве	49,2	34,0	16,8
Инструментальный уровень			
В общественных местах надо одеваться и вести себя как все, строго следуя принятым правилам или В общественных местах можно одеваться и вести себя как нравится самому, лишь бы не нарушать закон	35,7	32,0	32,3

Как видим, складывается парадоксальная ситуация, когда некоторые ценностные принципы повседневности начинают противоречить соответствующим императивам. На абстрактном уровне может подтверждаться приверженность определённым императивам, но на уровне повседневных практик происходит отход от требований этих императивов. Мы можем предположить, что ценностные императивы обобщённого

Поддержка традиционализма на уровне абстрактных императивов отнюдь не служит руководством при планировании поведения в повседневности.

уровня в процессе «ценностного дрейфа» на нижних уровнях постепенно перестают выполнять функцию собственно императивов (предписаний к действию) и начинают функционировать в качестве своеобразных маркеров идентичности, т. е. демонстративных «критериев принадлежности и способов сигнализации о включённости/исключённости» [Этнические группы... 2006: 17], *отграничивающих российское культурно-историческое и даже цивилизационное пространство*. Согласно Ф. Барту, в ситуации межкультурных (и межстрановых) контактов этнические группы «сохраняются как значимые единицы лишь постольку, поскольку существует маркированное отличие в поведении...» [Этнические группы... 2006: 18]. На наш взгляд, это относится не только к этническим, но и к национально-государственным общностям, члены которых при внешних контактах стремятся продемонстрировать свою принадлежность к особому культурно-историческому пространству. И не случайно в нынешних условиях относительно массового противостояния россиян так называемым «либеральным западным ценностям» на идеологическом уровне в общественном сознании традиционные ценностные смыслы начинают играть роль идентификационных маркеров, подчёркивающих культурно-историческую особость России. Но на уровне повседневного поведения эти традиционные смыслы во всё большей степени замещаются смыслами модернистскими. Этот процесс изменения функций некоторых традиционных ценностных императивов, латентное превращение их в идентификационные маркеры можно проследить по результатам анализа данных социологических исследований, касающихся динамики изменения структуры ценностей россиян [Актуализированные ценности... 2015].

Таким образом, противоречие ценностного императива и принципов повседневной деятельности общественным сознанием не воспринимается как противоречие, поскольку эти явления лежат в разных смысловых плоскостях.

Как следует из содержания традиционалистских ценностных ориентиров, отграничивающих в общественном сознании российское культурно-историческое пространство (см. пункты 4–6 в [таблице 1](#)), оно в сознании большинства не ассоциируется с современным европейским культурным пространством, является ориентированным на традицию и на приоритет моральных норм в выборе средств достижения целей. На наш взгляд, «особый» традиционалистский путь России – это достаточно устойчивый во времени ценностный ориентир, символизирующий преемственность современной России с Россией императорской и советской.

Косвенным подтверждением того, что перечисленные выше традиционалистские ценностные ориентиры актуальны в современном российском общественном сознании не столько как предписания к деятельности, сколько как базовые

Ценностные императивы обобщённого уровня в процессе «ценностного дрейфа» на нижних уровнях постепенно перестают выполнять функцию собственно императивов (предписаний к действию) и начинают функционировать в качестве своеобразных маркеров идентичности.

критерии (или метки, маркеры) принадлежности к сообществу россиян, является сравнение уровня поддержки традиционализма респондентами, по-разному ощущающими свою принадлежность к гражданам России. Л. М. Дробижевой сформулировано представление о типологических группах респондентов, ассоциированных и неассоциированных с российским гражданским сообществом [Дробижева 2017: 14]. К ассоциированным россиянам относятся те респонденты, кто при ответе на вопрос об идентичности «В какой степени Вы ощущаете близость с гражданами России?» высказали значительную степень такой близости, а к неассоциированным – те, кто не ощущают близости с россиянами и не определились в этом вопросе. Как показали расчёты, обнаруживаются существенные различия между этими группами в характере поддержки традиционалистских терминальных ценностных ориентиров при отсутствии таких различий в поддержке того или иного полюса инструментальных ориентиров (см. таблицу. 5).

Таблица 5

Распределение позиций на шкале «традиционализм – модернизм» для инструментальных и терминальных ценностей в разных типологических группах россиян, % от ответивших

Позиция по шкале «традиционализм – модернизм»	Ассоциированные россияне	Неассоциированные россияне
Инструментальные ценностные ориентиры (χ^2 Пирсона $p=0,147$)		
Традиционализм	30,3	28,7
Промежуточная позиция	52,7	50,3
Модернизм	17,0	21,0
Терминальные ценностные ориентиры (χ^2 Пирсона $p\leq 0,001$)		
Традиционализм	70,3	59,8
Промежуточная позиция	28,3	37,0
Модернизм	1,4	3,2

Традиционалистский полюс терминальных ценностных ориентиров в значительно большей степени поддерживают респонденты, безусловно причисляющие себя к гражданам России. При этом те же самые респонденты не проявляют склонности к традиционализму, когда речь идёт об истолковании инструментальных ценностей, непосредственно связанных с повседневной жизнью. Это и даёт основания полагать, что ценностные ориентиры абстрактного уровня, манифестирующие уважение к традиции вообще, приоритет моральных норм перед рациональными соображениями эффективности, что в итоге отличает российские культурные диспозиции от западноевропейских, – всё это присутствует в общественном сознании россиян преимущественно в качестве демонстрируемых символов (маркеров) включённости в российское историко-культурное сообщество. Идейная лояльность этим ценностным ориентирам

обеспечивает тождество осознания себя россиянами в историческом времени. В частности, даёт основание современным россиянам считать военные, культурные, научные и другие достижения прошлых поколений **своими** достижениями, включать в категорию «мы» эти прошлые поколения.

Представленная рабочая концепция превращения некоторых ценностных императивов традиционалистских идеологий прошлого (как советского, так и досоветского) в маркеры (демонстрируемые символы) принадлежности к российскому (преемственному в историческом времени) культурно-историческому пространству может дополнить разработанные в отечественной социологии представления о структуре российской идентичности [Гражданская, этническая... 2013], фиксируя страновой (трансгосударственный) аспект этой идентичности. Ценностные маркеры культурно-исторической идентичности по своим функциям в общественном сознании россиян играют примерно ту же роль, что и «основные ценности» (core values) в структуре корпоративной идеологии. Так, по мнению специалистов в области бизнес-тренинга «основные ценности – это правила и границы, определяющие культуру и личность вашей компании. Для того чтобы люди в вашей команде работали вместе продуктивно и эффективно, все должны иметь одинаковое видение и понимание ситуации» [Asian Efficiency...]. Иначе говоря, демонстрация лояльности традиционалистским ценностным императивам идеологического уровня во всех слоях общества как некоторым символам «российскости» направлена на консолидацию российского мультиэтнического сообщества, поскольку, несмотря на всё содержательное разнообразие этнических традиций народов России, это в любом случае – *традиции*, что и даёт консолидирующий эффект.

В соответствии с данным выше определением традиционализма, он в осмыслении маркеров российского культурно-исторического пространства в целом означает ориентацию на поддержание устойчивости и преемственности во времени этого пространства. Важный вопрос для дальнейшего исследования состоит в том, насколько эта традиционалистская, культурно-историческая идентичность, *направленная на выживание сообщества*, соответствует текущей гражданско-государственной идентичности, и, в частности, насколько те или иные лидеры государства (как настоящие, так и прошлые) могут становиться символами такого востребованного традиционализма.

Заключение

Широко распространённое мнение об особой традиционности россиян не подтверждается данными последних социологических опросов, проведённых сотрудниками Института социологии ФНИСЦ РАН. Скорее речь может идти о некотором

Ценностные ориентиры абстрактного уровня, манифестирующие уважение к традиции вообще, приоритет моральных норм перед рациональными соображениями эффективности – всё это присутствует в общественном сознании россиян преимущественно в качестве демонстрируемых символов (маркеров) включённости в российское историко-культурное сообщество.

переходном состоянии системы ценностей россиян, когда существует поддержка как традиционного истолкования одних ценностных объектов, так и активная модернизация смысла других [Актуализированные ценности... 2015; Межнациональное согласие... 2016; Российское общество... 2016].

Более детальный анализ показывает, что традиционализм проявляется преимущественно при истолковании ценностей абстрактного уровня, составляющих основу латентной стихийной идеологии большинства россиян. При этом наблюдается активная модернизация ценностных ориентиров, непосредственно связанных с повседневной деятельностью в современных реалиях России. Однако это отнюдь не свидетельствует о какой-то парадоксальности российского общественного сознания. Можно предположить, что ценности абстрактного идеологического уровня перестают восприниматься как руководство к действию и начинают играть роль декларируемых символов, маркирующих принадлежность к российскому культурно-историческому пространству, т. е. служат маркерами российской культурно-исторической идентичности, дающей основу для консолидации россиян, принадлежащих к разным социальным, в том числе и этническим группам.

Возможно, таким образом реализуется растущий общественный запрос россиян на восстановление России в статусе великой державы [Россия – великая держава... 2017] не только и не столько в плане военной мощи, сколько как иного полюса современного глобального мира. Если ранее это было противостояние двух моделей общественно-политического устройства: «коммунизм – капитализм», то сегодня это традиционалистский полюс противостояния двух систем ценностей – традиционалистской и «либеральной» (в том упрощённом виде, в каком либерализм понимается в повседневном сознании россиян). Можно предположить, что при нынешнем усилении противостояния России и Запада поддержка традиционализма в истолковании ценностей абстрактного идеологического уровня будет усиливаться.

Библиографический список

Аксенова О. В. 2016. Модернизация или развитие: традиционалистские основания прогресса в России // Власть. № 9. С. 31–36.

Актуализированные ценности современного российского общества [монография] / Отв. ред. И. А. Халий. Электрон. текст. дан. (объём 2,2 Мб). М.: Институт социологии РАН. 2015. 273 с. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Act_zennosti_sovr_obschestva.pdf [Дата посещения: 30.08.2017].

Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций: [монография] / [О. В. Аксенова, Н. В. Левченко и др.]; Отв. ред. О. В. Аксенова;

Традиционализм проявляется преимущественно при истолковании ценностей абстрактного уровня, составляющих основу латентной стихийной идеологии большинства россиян.

Можно предположить, что при нынешнем усилении противостояния России и Запада поддержка традиционализма в истолковании ценностей абстрактного идеологического уровня будет усиливаться.

ИС РАН. Электрон. текст. дан. (объём 3,01 Мб). М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 207 с. URL: <http://www.isras.ru/index.php?pageid=1198&id=5084> [Дата посещения: 30.08.2017].

Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. Рябов А. Г., Курбангалеева Е. Ш. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. 448 с.

Горшков М. К., Крумм Р., Петухов В. В., Бызов Л. Г. 2011. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. М.: Весь Мир. 328 с.

Гофман А. Б. 2010. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. Том IV. С. 241–254.

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.

Дробижева Л. М. 2017. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. Т. 26. № 1. С. 7–31.

Инглхарт Р., Вельцель К. 2011. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. 464 с.

Кузнецов И. М. 2017. Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян // Социологические исследования. № 1. С. 47–55.

Маслоу А. 2003. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер. 352 с.

Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества [Монография] / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2016. 400 с.

Паин Э. А. 2011. Волновая природа подъёма традиционализма на рубеже XX-XXI веков // Общественные науки и современность. № 2. С. 43–56.

Российское общество и вызовы времени. Книга первая / Под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В. М.: Весь Мир, 2015. 336 с.

Российское общество и вызовы времени. Книга четвёртая / Под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В. М.: Весь Мир, 2016. 400 с.

Россия – великая держава. Пресс-выпуск № 3327. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116111> [Дата посещения: 29.08.2017].

Стоун Э. В. 2006. Маргинальный человек: Исследование личности и культурного конфликта // Личность. Культура. Общество. Т. VIII. Вып. 1. С. 9–36.

Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под ред. А. Б. Гофмана. М.: РОССПЭН, 2008. 543 с.

Энгельс Ф. 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. М.: Государственное издательство политической литературы. Т. 21. С. 34–178.

Этнические группы и социальные границы / Под ред. Фредрика Барта; пер. с англ. Игоря Пильщикова. М.: Новое изд-во, 2006. 198 с.

Asian Efficiency's Core Values. URL: <http://www.asianefficiency.com/mindsets/asian-efficiencys-core-values> [Дата посещения: 25.06.2017].

Giddens A. 1994. Living in a post-traditional society // Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Polity Press, Cambridge. P. 56–109.

Hofstede G. 2011. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture, (1). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014> [Дата посещения: 04.06.2017].

Rokeach M. 1973. The Nature of Human Values. N.Y. 437 p.

World Values Survey wave 6 2010–2014 official aggregate v. 20150418. World Values Survey Association [www.worldvaluessurvey.org]. Aggregate File Producer: Asep/JDS, Madrid Spain. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/images/Cultural_map_WVS6_2015.jpg [Дата посещения: 25.06.2017].

DOI: 10.19181/vis.2017.22.3.466

The Value Markers of Russians' Cultural and Historical Identity

Kuznetsov Igor Mikhailovich

Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Fellow at the Department of Ethnosociology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. Email: ingvar31@yandex.ru

Abstract. This article's problem context¹ is explaining a certain contradiction which can be observed in Russian society, between widespread support among Russians for a certain set of traditionalist value imperatives on a very general, abstract level, and a similarly widespread withdrawal from said value regulations when it comes to everyday practices. The study's working concept is based on the premise that a *set of values* in one cultural-historic community or another, as well as their structure of a certain sort, stays relatively constant within historic time, while the process of a "value drift" can be presented as a shift in the content of those notions which denote social values. These gradual changes in the content of one value or another can be situated between two opposing points – a traditionalist

¹ The research was supported by RSF grant № 14-18-01963P "Resource interethnic consent in the consolidation of Russian society: general and special regional diversity".

interpretation of a certain value and a modernist (secular-rational) interpretation. This article analyzes data from population surveys conducted in six Russian regions within the framework of project "The resource of interethnic consent in consolidating Russian society: common and particular in regional diversity". In order to analyze value systems, 4111 units of observation were selected for this essay, which represent the population of each region – people over 18 years of age who have lived in their respective regions for at least 7 years. The overall conclusion of this study is that a modernization (when it comes to interpreting value principles on an instrumental level) leads to generalized-level value imperatives gradually failing to carry out the function of actual imperatives (as in orders to action), while starting to act as some sort of markers which restrict Russian cultural-historical and even civilization space. Simultaneously these markers act as symbols of Russian cultural-historical identity. An orientation towards these symbols-values helps people consciously identify as Russians within historic time. Established during this study was certain traditionalism when it comes to comprehending the markers of Russian cultural-historical space, which implies an orientation towards supporting the stability of this space, as well as its continuity in time.

Keywords: Social value system, traditionalism, secular-rational values, Russians' cultural-historical identity, borders of socio-cultural space.

References

Aksenova O. V. Modernizatsiya ili razvitie: traditsionalistskie osnovaniya progressa v Rossii [Modernization or development: traditional basis of the progress in Russia]. *Vlast'*, 2016, no. 9, pp. 31–36. (in Russ.)

Aktualizirovannye cennosti sovremennogo rossiyskogo obshchestva [The updated values of modern Russian society]. Ed. by I. A. Khaliy. Moscow, IS RAS publ., 2015. 273 p. (in Russ.)

Asian Efficiency's Core Values. The website. URL: <http://www.asianefficiency.com/mindsets/asian-efficiencys-core-values> [date of visit: 25.06.2017].

Asimmetriya zhizni sovremennogo rossiyskogo obshchestva: sootnoshenie traditsiy i innovatsiy [Asymmetric life of modern Russian society: ratio of traits and innovations]. Ed. by O. V. Aksenova. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017. 207 p. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=5084 [date of visit: 31.08.17]. (in Russ.)

Bazovye cennosti rossiyan. Sotzial'nye ustanovki. Zhiznennye strategii. Simvoly. Mify [The Basic Values of Russians. Social Attitudes. Life Strategies. Symbols. Myths]. Ed. by A. V. Riabov, E. Sh. Kurbangalieva. Moscow, Dom intellektual'noy knigi, 2003. 448 p. (in Russ.)

Drobizheva L. M. Grazhdanskaya identichnost' kak uslovie oslableniya etnicheskogo negativizma [National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism]. *Mir Rossii*, 2017, vol. 26, no 1, pp. 7–31. (in Russ.)

Engels F. Proishozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva [The origin of the family, private property and the state]. Marx K., Engels F. Sochineniya. Second ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961, Vol. 21, pp. 34–178. (in Russ.)

Etnicheskie gruppy i sotzial'nye granicy [Ethnic groups and social boundaries]. Ed. by F. Bart. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2006. 198 p. (in Russ.)

Giddens A. Living in a post-traditional society. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: politics, tradition and aesthetics in the modern social order. Cambridge, Polity Press, 1994, pp. 56–109.

Gofman A. B. V poiskah utrachennoy identichnosti: traditsii, traditsionalizm i natsional'naya identichnost' [In search of lost identity: tradition, traditionalism and national identity]. *Voprosy sotzial'noi teorii*. 2010, Vol. IV, pp. 241–254. (in Russ.)

Gorshkov M. K., Krumm R., Petukhov V. V., Byzov L. G. 20 let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov [Twenty years of reforms in the eyes of Russians: the experience of many years of sociological measurements]. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, V. V. Petukhov. Moscow, Ves' Mir, 2011. 328 p. (in Russ.)

Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnia, zavtra [Civic, ethnic and regional identity: past, present and future]. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya, 2013. 485 p. (in Russ.)

Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. Online Readings in Psychology and Culture, 2011, no 1. URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014> [date of visit: 04.06.2017].

Inglehart R., Welzel Ch. Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, cultural change, and democracy: the human development sequence]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2011. 464 p. (in Russ.)

Kuznetsov I. M. Cennostnye orientiry i sotzial'no-politicheskie ustanovki rossiyan [Values and socio-political attitudes in contemporary Russia]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2017, no. 1, pp. 47–55. (in Russ.)

Maslow A. Motivatsiya i lichnost' [Motivation and Personality]. 3-e izd. SPb., Piter, 2003. 352 p. (in Russ.)

Mezhnatsional'noe soglasie kak resurs konsolidatsii rossiyskogo obshchestva [Interethnic consent as a resource for the consolidation of All-Russian society]. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, IS RAS publ., 2016. 400 p. (in Russ.)

Pain E. A. Volnovaya priroda pod"ema tradicionalizma na rubezhe XX–XXI vekov [The wave nature of rise of traditionalism at the turn of XX–XXI centuries]. Obshchestvennye nauki i sovremennost, 2011, no. 2, pp. 45–56. (in Russ.)

Rokeach M. The Nature of Human Values. N.Y., 1973. 437 p.

Rossiya – velikaya derzhava [Russia is a great state]. Press-release no. 3327. RPORC Official website. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116111> [date of visit: 16.03.17]. (in Russ.)

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni [The Russian Society and the Challenges of Time]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Vol. 1. Moscow, Ves' Mir, 2015. 336 p. (in Russ.)

Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni [The Russian Society and the Challenges of Time]. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Vol. 4. Moscow, Ves' Mir, 2016. 400 p. (in Russ.)

Stonequist E. V. Marginal'ny chelovek: Issledovanie lichnosti i kul'turnogo konflikta [The marginal man. A study in personality and culture conflict]. Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo, 2006, Vol. VIII, no 1, pp. 9–36.

Traditsii i innovatsii v sovremennoy Rossii: Sotsiologicheskii analiz vzaimodeystviya i dinamiki [Tradition and innovation in Modern Russia: the sociological analysis of the interaction and dynamics]. Pod red. A. B. Gofmana. Moscow, ROSSPEN, 2008. 543 p. (in Russ.)

World Values Survey wave 6 2010–2014 official aggregate v. 20150418. World Values Survey Association . Aggregate File Producer: Asep/JDS, Madrid (Spain). URL: http://www.worldvaluessurvey.org/images/Cultural_map_WVS6_2015.jpg [date of visit: 25.06.2017].